

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИСЛАМА В КАЗАНСКОМ ХАНСТВЕ

Хамидуллин Б. Л., кандидат исторических наук

FUNCTIONING OF ISLAM IN THE KAZAN KHANATE

Khamidullin B. L.

В результате целого комплекса политических, социально-экономических и природно-климатических причин во второй трети XV в. Золотая Орда перестала существовать как единая империя. Это привело к появлению конфедерации татарских государств, продолживших ее традиции¹. Одной из таких новых держав стало Казанское ханство («гмум Газан вилайяте», «Царство Казанское», 1438/1445–1552/1556), чьи государственное устройство и культура изначально почти полностью базировались на наследии Булгарского вилайята Золотой Орды, а позднее функционировали с серьезными элементами крымско-татарского, ногайского и среднеазиатского влияния².

Исторические источники свидетельствуют, что уже со второй четверти XIV в. в Золотой Орде главенствовал ханафитский мазхаб суннитского ислама, с активным использованием местных обычаев и юридической практики («горефгадат»). Этот мазхаб позднее был широко распространен в Крымском, Казанском, Касимовском, Астраханском и Тюменском/Сибирском

татарских ханствах. И здесь везде именно мусульманское духовенство, наряду с ханами-Чингизидами и татарами (которые являлись высшей социальной стратой), определяло общественно-политическую жизнь, так как мусульманско-правовая доктрина всегда относилась к государству как к институту, наделенному одновременно и конфессиональными, и светскими полномочиями³. Например, основой судебно-правовой системы Казанского и других татарских государств был шариат, источниками которого являются Коран, сунна Пророка Мухаммада, единогласное мнение богословов и правоведов. «Во всех своих поступках и событиях жизни обращались [жители Казанского ханства] к правилам шариата... споры и судебные дела разрешали согласно шариату», – отмечается в одной из татарских летописей⁴.

Мусульманскому духовенству принадлежало почетное место в государственной системе Казанского ханства, а предводитель этого духовенства (верховный сейид, потомок Пророка Мухаммада) возглавлял государственный совет (диван)

и, нередко, – собрание «всей земли Казанской» (курултай), активно участвовал в ключевых процессах внутренней и внешней политики страны. В ярлыках татарских ханов он именовался «судат гызам» или «садати гозам», дипломатом Священной Римской империи Сигизмундом фон Герберштейном – «верховным жрецом татар», русским князем Андреем Курбским – «великим бискупом», татарским историком Шигабутдином Марджани (со ссылкой на неизвестные нам средневековые источники) – «руководителем великих» («накиб-ул ашраф»)⁵. При описании одной из татарских торжественных церемоний, проходившей около Казани в 1524 г., Герберштейн информирует своего читателя, что сейид «пользуется у них такой властью и почетом, что при его приближении даже цари выходят ему навстречу, стоя предлагают ему руку – а он сидит на лошади – и, склонив голову, прикасаются (к его руке); это позволено только царям, герцоги же (и начальники) касаются не руки его, а колен, знатные люди – ступней, а простой народ (плебеи) – только его платья или лошади»⁶. Отметим, что самое последнее упоминание сейида земель Казанского ханства относится к 1554 г., незадолго до окончательной гибели этого татарского государства в 1556 г.

Структура духовенства была четкой и разветвленной. В письменных, фольклорных и археологических источниках, в частности в татарских надмогильных эпитафиях, есть информация о верховных и меньших сейидах и сейидовых сынах, шейхах и шейх-задэ, муллах и мулла-задэ,

имамах, дервишах, суфиях, хафизах, казьях (кадиях), абызах, мавали и данишмендах, осуществлявших богослужение, судопроизводство, миссионерскую, дипломатическую, канцелярскую, преподавательскую и даже военную деятельность, и чьи конкретные «должностные» и «мирские» обязанности (функции), к сожалению, не всегда четко отражены в дошедших до нас исторических материалах. Особо отмечу присутствие в духовенстве Казанского ханства представителей суфийского тариката Ясавийа, широко распространенного среди тюркских народов Средней Азии. Татарские предания дают возможность говорить о главенстве указанного тариката в Среднем Поволжье как минимум со времен поздней Золотой Орды. Встречающаяся практически во всех областях культуры (в архитектуре, поэзии, каллиграфии и т. д.) в большом количестве суфийская символика подтверждает широкое распространение в Казанском государстве идеологии и обычаев тариката Ясавийа в сочетании с классическими канонами исламского искусства. Произведения казанских поэтов, прозаиков, публицистов Мухаммадьяра, Мухаммад-Эмина (казанского хана, правившего в 1484, 1487–1495, 1502–1518 годах) и, в особенности, Кул-Шарифа (уроженца Астраханского ханства, верховного сейида Казани, имевшего литературный псевдоним «Шарифи Хаджитархани»), вместе с полком шакирдов-воинов погибшего в октябре 1552 г. при обороне Казани) насыщены суфийскими сюжетами и мотивами. В указанный период происходит также постепенное внедрение

в мусульманское общество учения тариката Накшбандийа, предтечи ишанизма. В течение последующих столетий идеи указанных тарикатов были глубоко освоены и интегрированы с культурным наследием народов Среднего Поволжья, явив миру так называемый «татарский суфизм»⁷.

У нас есть достаточные основания предполагать, что местные ханы-Чингизиды ясно осознавали свою принадлежность к исламской умме (общине) и мировой мусульманской цивилизации. Об этом говорится во многих татарских преданиях, в которых часто упоминаются «мусульманские ханы Казани», об этом свидетельствуют ханские ярлыки со строками из Корана и погребения казанских ханов на территории Казанского кремля, об этом информируют русские письменные источники. Четко и ясно свидетельствует об этом поэма «Могжиз-наме» казанского хана Мухаммада-Эмина, посвященная Пророку Мухаммаду. Одним из косвенных подтверждений этому служит также текст послания хана Тюменского государства Сайида-Ибрагима великому князю московскому Ивану III (1489 год), в котором сказано: «Я – бесерменский государь, а ты – христианский». Ярким свидетельством этого является и появление у казанских ханов Сахиб-Гирея (казанский хан в 1521–1524, крымский хан в 1532–1551 гг.) и Сафа-Гирея (казанский хан в 1524–1531, 1535–1546, 1546–1549 гг.) почетного титула «гази», обозначающего «борца за веру», «мусульмана, участвующего в войне за веру», «героя, победителя неверных»⁸. Автор

исторического трактата «Тарих-и Сахиб-Гирей-хан» Мухаммад Нидаи Кайсуни-заде несколько раз отмечает, что хан приказывал шейхам и хафизам читать ему и его приближенным священный Коран⁹.

Татарская знать, что следует из данных многих письменных, археологических и фольклорных источников, также была мусульманской, как и правители государства. В частности, об этом свидетельствуют хранившийся среди дипломатических документов русского Царского архива «татарский Коран» (утерян) и постоянный летописный сюжет дипломатической культуры татар Казанского ханства – клятва на Коране. Известный казанский поэт и дипломат-переводчик Мухаммадьяр, автор поэм «Тухвай-мардан» («Дар мужей», 1539) и «Нур ас-судур» («Свет сердец», 1542), многое писал по истории появления и распространения ислама, о жизнедеятельности пророков и халифов. Татары нередко совершали хадж – паломничество в Мекку, с последующим обретением почетного титула «хаджи» («ази»). Так, мы знаем о поездке в Аравию «царицы» Нур-Султан (казанская ханша в 1466–1486 гг., крымская – в 1486–1519 гг.), ее родственников и приближенных, о чем она лично сообщала в письме великому князю московскому Ивану III в 1495 г. В источниках мы часто встречаем имена татар Казанского ханства с прибавкой титула ази (хаджи).

Хотя в составе государства имелось и многочисленное языческое население (мордва-мокша, предки современных башкир, марийцев, удмуртов, чувашей и т. д.), основ-

ная масса населения Казанского вилайята также была исламизированной и именовалась, например, в русских источниках, «Казаньскими Срацнынами», придерживающимися «безсерменьской их веры». Многочисленные мусульманские кладбища и отдельные погребения («святые места») с надмогильными памятниками с цитатами из Корана на территории Заказанья, Предволжья, Нижнего Предкамья и т.д. ясно свидетельствуют о преобладании исламской веры в среде местного населения. По-видимому, из 400–500 тысяч человек, проживавших в Казанском государстве в середине XVI в., как минимум 200–250 тысяч человек являлись мусульманами¹⁰.

Важно отметить, что в ханстве, при главенстве ислама и росте его влияния на все сферы жизни государства, существовала полная веротерпимость, что было связано с традициями Хазарского каганата, Волжско-Камской Булгарии, Монгольской империи и Золотой Орды. В пропаганде взаимоуважения, толерантности и межконфессиональной терпимости особо заметна роль суфийских шейхов. В Казани находилась армянская церковь, около половины населения государства свободно исповедовало разные виды язычества. По свидетельству многих источников, ислам в иноконфессиональной среде распространялся ненасильственно – в результате усиления этнокультурных контактов. Следует отдельно подчеркнуть, что в ханстве в результате активизации интенсивности культурного взаимодействия различных этносоциальных групп населения четко наблюдается

начало процесса создания единой этносоциальной общности, прерванное событиями середины XVI в.¹¹

Особо способствовали этому богатая традиция исламского просвещения, высокоразвитая система мусульманских учебных заведений (мектебов и медресе при всех мечетях страны, в которых обязательно функционировали библиотеки), широкий слой образованных людей (улемов). В государстве активно развивались делопроизводство, юриспруденция, историография, литература и литературоведение, музыкальное творчество, декоративно-прикладное искусство, архитектура и т.д.¹² О высокоразвитом делопроизводстве в государстве свидетельствуют чудом сохранившиеся после событий октября 1552 г. татарские документы (например, ханские ярлыки), а также дипломатическая переписка ханов (например, с Великим княжеством Литовским)¹³. О многочисленности в Казанском ханстве школ и библиотек, ученых и поэтов нам подробно сообщают народные предания, об этом ясно свидетельствуют литературно-исторические произведения Аднаша Хафиза, Гарифбека, Кул Шарифа, Мухаммадьера, Мухаммад-Эмина, Умми Камала и других авторов. Медицинский трактат «Исцеление» с комментариями Мухаммада-Эмина ал-Болгари и «Сборник правил науки арифметики» Мухаммада ибн ал-Хаджи Атмаджи показывают нам высокий уровень развития в государстве различных точных наук, что, в частности, отразилось в высокой градостроительной культуре Казанского ханства, известной нам

по информации автора «Казанской истории» и текстов князя Андрея Курбского, а также по изысканиям археологов¹⁴. И все это в совокупности дало возможность барону Сигизмунду фон Герберштейну написать в «*Regum Moscoviticarum Commentarii*» («Записки о московитских делах», 1549), что «эти татары [казанские] образованнее многих других народов»¹⁵...

Ислам проник во все сферы жизнедеятельности населения Казанского ханства, оказал огромное влияние на его идеологию, духовное развитие, экономику, быт, международные связи. Развитие мусульманского вероисповедания на территории Среднего Поволжья имело свои особенности, выражающиеся, прежде всего, в конфессиональной толерантности его носителей.

Сведения об авторе: Хамидуллин Булат Лиронович, кандидат исторических наук, заведующий Центром изучения татарской диаспоры Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, e-mail: bulat.antat@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается функционирование ислама в Казанском ханстве. Отмечается главенство в государстве ханафитского мазхаба, активное использование населением местных обычаев и юридической практики. Указывается, что именно мусульманское духовенство, наряду с ханами-Чингизидами и татарами (которые являлись высшей социальной стратой), определяло общественно-политическую жизнь страны.

Ключевые слова: Казанское ханство, ислам, татары.

Abstract. The article deals with the functioning of Islam in the Kazan Khanate. The leadership of the Hanafi madhhab in the state, the active use of local customs and legal practice by the population are noted. It is indicated that it was the Muslim clergy, along with the Genghis Khans and the Tatars (who were the highest social stratum), that determined the socio-political life of the country.

Key words: Kazan Khanate, Islam, Tatars.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Мухамедьяров Ш. Ф. Содружество постзолотоордынских татарских исламских государств // Очерки истории исламской цивилизации: в 2 т. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. – Т. 2. – С. 119–122.
- 2 Хамидуллин Б. Л. Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М.: БРЭ, 2008. – Т. 12. – С. 402–405.
- 3 Мухамедьяров Ш. Ф. Казанское ханство // Очерки истории исламской цивилизации: в 2 т. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. – Т. 2. – С. 123–127.
- 4 История Татарии в материалах и документах. – М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1937. – С. 122–123.
- 5 Мухамедьяров Ш. Ф. Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирей 1523 года // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. – М.: Наука, Глав. ред. восточной лит., 1967. – С. 104–109.
- 6 Герберштейн С. Записки о Московии // «Восточная литература». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vostlit.info/Texts/rus8/Gerberstein/text7.phtml> (дата обращения: 22.03.2022).
- 7 Бородовская Л. З. Развитие татарской суфийской культуры в эпоху Казанского ханства // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 2. – С. 35–41.
- 8 Хамидуллин Б. Л. Мухаммед-Эмин // Большая Российская энциклопедия. – М.: БРЭ, 2013. – Т. 21. – С. 534; Хамидуллин Б. Л. Сафа-Гирей // Большая Российская энциклопедия. – М.: БРЭ, 2015. – Т. 29. – С. 475.

9 Зайцев И. В. Исламская культура Крымского ханства. Исламская организация // История крымских татар: в 5 т. – Казань: ИИ АН РТ, 2021. – С. 629.

10 Хамидуллин Б. Л. Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М.: БРЭ, 2008. – Т. 12. – С. 402–405.

11 Хамидуллин Б. Л. Этносоциальная история Казанского ханства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань: ИИ АН РТ, 2004. – С. 26; Хамидуллин Б. Л. Казанское ханство как цельная этнополитическая общность // GLOBAL-Turk. – 2017. – № 1/2. – С. 172–189; Хамидуллин Б. Л. Народы Казанского ханства на страницах западноевропейских нарративных источников XV–XVII вв. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2017. – № 1/2. – С. 50–62.

12 История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. – Казань: ИИ АН РТ, 2014. – С. 31–36, 39–41, 406–439, 488–643.

13 Мустафина Д. Послание царя казанского // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1997. – № 1/2. – С. 27–34.

14 История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. – Казань: ИИ АН РТ, 2014. – С. 31–36, 39–41, 406–439, 488–643.

15 Herberstein S. Rerum Moscoviticarum Commentarii. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=ezs8AAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 22.03.2022).